

Сохранность этнического языка у уральских марийцев

Марина Васильевна Куцаева

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Настоящая работа посвящена, с одной стороны, анализу лингвистических биографий некоторых представителей марийской диаспоры московского региона, уроженцев Свердловской области, принявших участие в социолингвистическом обследовании, которое проводилось автором в 2019–2021 гг. и было посвящено описанию функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры. Автор исходит из предпосылки, что актуальное использование языка обусловлено, в том числе, и предшествующим языковым опытом респондентов на малой родине. В связи с этим отдельный блок анкеты касался употребления языков во внутрисемейном общении, дошкольном воспитании, школьном обучении (язык или предмет обучения), в дальнейшем образовании, что в итоге позволило установить каналы изучения опрошенными марийского и русского языков, а также в более широком контексте выявить языки их общения с соседями на малой родине.

С другой стороны, в статье предпринимается попытка описания современной языковой ситуации с марийским языком в местах компактного проживания уральских мари в Красноуфимском, Ачитском, Артинском и Нижнесергинском районах Свердловской области. Автором рассматриваются вопросы использования марийского языка в семейно-бытовой сфере и в системе образования. Подробно описываются некоторые языковые идеологии, лежащие в основе семейной языковой политики и влияющие на выбор языка внутрисемейного общения. Отдельный раздел посвящен детальному анализу динамики функционирования марийского языка в образовательной сфере по данным, полученным в ходе интервью с педагогами местных школ. Кро-

ме того, будет затронут вопрос бытования этнического языка в культуре и в религиозной обрядности. Важное место в работе отводится проблеме сохранности этнической идентичности марийцев, проживающих в условиях старой диаспоры, сложившейся в течение XVI–XVIII веков.

Ключевые слова: марийский язык, этнический язык, внутренняя диаспора, московский регион, уральские марийцы, семейная языковая политика, образовательная политика, этническая идентичность, этническая культура

Благодарности:

Автор выражает глубокую признательность педагогам свердловских школ за помощь в работе над материалами и искреннюю благодарность за их ежедневный труд и подвижничество в сохранении марийского языка, культуры и идентичности уральских мари.

Для цитирования: Куцаева М. В. Сохранность этнического языка у уральских марийцев. *Родной язык*, 2023, 1: 44–89.

DOI: 10.37892/2313-5816-2023-1-44-89

Ethnic language maintenance: The case of the Ural Maris

Marina Vasilievna Kutsaeva

The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

marina.kutsaeva@iling-ran.ru

This article presents linguistic biographies of several representatives of the Mari diaspora in the Moscow region, natives of the Sverdlovsk region who took part in the author's sociolinguistic 2019-21 survey aimed at describing how an ethnic language functions within an internal diaspora. It is assumed that language use is due, among other things, to previous linguistic experience in the locality where one grew up. Thus, part of the survey questionnaire was devoted to language use in intra-family communication, preschool education,

school education (language of instruction and language as school subject), and further education. The responses made it possible to establish which channels were used by respondents for learning Mari and Russian, as well as to identify the languages used for interacting with their neighbors in their home area.

The data collected in the article is also offered as an attempt to describe the current Mari language situation in areas with a high concentration of Ural Maris in the Krasnoufimsky, Achitsky, Artinsky and Nizhneserginsky districts of the Sverdlovsk region. The author discusses Mari language use in the home and in the educational system. Some common language ideologies that underly family language policy and influence the choice of the language of intra-family interactions are described in detail. A separate section analyzes the dynamics of how the Mari language functions in education according to data obtained in interviews with teachers at local schools. The issues of Mari language-in-culture maintenance and its presence in religious rites are also explored. An important focus of the article is on preserving the ethnic identity of the Mari people residing in the diaspora that was formed in the 16-18th centuries.

Keywords: Mari language, internal diaspora, Moscow region, Ural Mari, family language policy, educational policy, ethnic identity

For citation: Kutsaeva M. V. Ethnic language maintenance: The case of the Ural Maris. *Rodnoy yazyk*, 2023, 1: 44–89.

DOI: 10.37892/2313-5816-2023-1-44-89

Введение

В 2019–2021 гг. автором статьи было проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре московского региона; цель обследования заключалась в выявлении и описании функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры. Выборка составила 106 человек. Сто из них принадлежат первому поколению диаспоры и являются уроженцами Республики Марий Эл (71 чел., из них 58 — луговые марийцы и 13 — горные), а также мест компактного проживания марийцев на территории Российской Федерации (Республик Башкортостан (18 чел.) и Татарстан (3 чел.), Кировской (5 чел.) и

Свердловской (2 чел.) областей). Один участник опроса родился и вырос в местах дисперсного проживания мари. В настоящее время все респонденты проживают в Москве или Московской области на постоянной основе. Шесть человек принадлежат второму поколению диаспоры и идентифицируют себя в качестве этнических мари (о методологии обследования см. [Куцаева 2020в]).

Актуальное использование этнического языка в диаспоре в первом поколении обусловлено, среди прочего, лингвистическим багажом, с которым респонденты приехали в московский регион. В связи с этим нами была предпринята попытка описать языковые биографии респондентов с опорой на данные, полученные в ходе обследования. Один из блоков анкеты касался языков внутрисемейного общения респондентов в детстве до школы, языков дошкольного воспитания, языков школьного обучения (язык обучения и предмет изучения), языков, используемых при получении дальнейшего образования; был также затронут вопрос языков общения с соседями на малой родине. Это позволило, во-первых, выделить основные периоды и выявить общие черты в языковых биографиях опрошенных (на данном этапе — республиканских марийцев в выборке), описать каналы изучения ими марийского и русского языков (что нашло отражение в следующих публикациях: [Куцаева 2022б], [Куцаева 2023а]); во-вторых, исследовать узкий, однако интересный с лингвистической точки зрения вопрос марийско-татарских языковых контактов [Куцаева 2020а].

Цель настоящей работы состоит в описании и анализе языковых биографий уроженцев Свердловской области. Ввиду их малой репрезентативности в общей выборке (два человека из ста), эти данные на первый взгляд могут показаться незначительными, однако, по нашему мнению, при всей маргинальности материала, он является необходимым и существенным дополнением к генеральной линии этой части исследования, поскольку способствует наиболее полному и всеохватному отображению результа-

тов. Кроме того, материал представляет несомненный научный интерес: через призму языковых биографий, дополненных сведениями по актуальному состоянию с марийским языком в регионе — преимущественно в сфере образования, однако с освещением более широкого спектра проблем: внутрисемейное общение и межпоколенческая передача языка в семье, бытование языка в культуре и в религиозной обрядности — исследование проливает свет на текущую, подчас болезненную языковую ситуацию с марийским языком в регионе с компактным проживанием марийцев.

Вторичный ареал расселения марийцев сформировался на территории Прикамья — Приуралья в течение XVI–XVIII веков [Сепеев 2006: 108]. Основными причинами миграций марийцев (преимущественно луговых) из Среднего Поволжья послужили усиление социального гнета ясачного населения; репрессивные меры в отношении участников антифеодальных выступлений; монастырская колонизация марийских земель; некоторые правительственные меры (строительство укрепленных оборонительных линий и др.); политика насильственной христианизации нерусского населения. Расселению в Прикамье и Приуралье способствовали благоприятные природные условия, схожие с климатическими условиями в Среднем Поволжье, достаточное количество свободных земель в собственности башкирских общин, первоначальное отсутствие возможности активного вмешательства со стороны царского правительства во внутреннюю жизнь этих общин, религиозная терпимость башкир по отношению к языческим культам и верованиям мари [Сепеев 1975: 39–42]. В зависимости от географической локализации выделяются четыре этнографические группы восточных марийцев, одной из которых являются уральские марийцы, проживающие по среднему течению р. Уфы и р. Сылвы и в их междуречье [Там же: 17]. Уральские марийцы составляют, таким образом, самую дальнюю ветвь восточной марийской диаспоры, проживающую в окружении русских

и татар в отдельных селениях в современной Пермской и Свердловской областях [Фрайер 2000: 55], соседство с этими народами обусловило формирование в языке и культурно-бытовых традициях восточных мариЙцев некоторых специфических особенностей — уральские мариЙцы восприняли отдельные черты культуры и быта как русских, так и тюркских соседей [Сепеев 2006: 126].

В соответствии с нынешним территориально-административным делением уральские мари проживают на юго-западе Свердловской области в Артинском, Ачитском, Красноуфимском, Нижнесергинском районах в более чем тридцати селениях [Сепеев 1975: 16]. Среди жителей Красноуфимского района, населяющих бассейн реки Уфа, сохранился этноним *ипоньши* или *ўпõ мари*, среди жителей Артинского, Ачитского и Нижнесергинского районов — этноним *кõнгыр мари* (кунгурские мари) [МариЙцы 2013: 143].

На протяжении XX века и предыдущих столетий переписи и другие материалы учета населения в целом фиксируют постоянный рост численности мариЙцев, несмотря на заметные потери и убыль в определенные периоды истории XX века. Перепись населения 2002 г. впервые зафиксировала уменьшение численности мариЙцев России. Основными причинами являются, с одной стороны, сокращение рождаемости и увеличение смертности населения, с другой стороны, смена этнической идентичности ввиду миграций, длительного проживания в иноязычной среде, роста межэтнических браков. Процесс деэтнизации охватывает не только мариЙцев-горожан, но и сельчан, проживающих на территории типично русскоязычных регионов Российской Федерации [Сепеев 2006: 173–175]. Динамика численности мариЙцев, проживающих непосредственно в Свердловской области, согласно данным переписей населения, выглядит следующим образом: 12 116 чел. (1926), 15 726 чел. (1939), 20 344 чел. (1959), 24 070 чел. (1970), 26 757 чел. (1979), 31 297 чел. (1989), 27 863 чел. (2002) [Сепеев 2006: 180–183], 23 801 чел. (2010 г.) [ВПН 2010], 13 998 чел. (13 995 чел. — мариЙцы, 3 чел. — лугово-восточ-

ные (уральские марийцы) [ВПН 2020]. Результаты последней переписи также свидетельствуют о значительном сокращении в регионе численности лиц, идентифицирующих себя в качестве этнических мари. Вопрос о сохранности этнического языка остается открытым и проблемным: о владении марийским языком в Свердловской области заявили 7308 марийцев [ВПН 2020].

Языковые биографии уроженцев Свердловской области в выборке

В выборке в первом поколении две респондентки, представительницы возрастной группы 50–60, являются уроженками Красноуфимского района Свердловской области. Одна из них родилась и выросла в селе, другая в деревне. «У нас в селе русских больше, но там и марийцы. Но Урал тем и славен, что сочетает в себе соединение очень многих национальностей. И говорят, что на Урале тихо-спокойно, потому что все национальности умеют сожительствовать» (№1МР¹). По воспоминаниям опрошенных, языками внешней коммуникации с соседями выступали следующие: «Мы жили в деревне, где жили марийцы, мордва, татары. А мы, получается, живем в том месте, где наша улица — марийская, а следующая — татарская. Целыми улицами жили. Поэтому они знали марийский и татарский. А вот мордва, когда она там жила, уже укоренялась, в этом Красноуфимском районе, она уже больше владела нашим марийским. Потому что их было малочисленно, а нас, марийцев, было больше» (№2МР). «В основном русские и марийцы у нас. Ну с ними зачастую, естественно, по-марийски. Татарская деревня — соседняя, татары, они как-то обособленно. С татарами — по-русски. Но вот татары, они посмелее! У нас как-то более этично,

---

¹ Здесь и далее в скобках приводится номер анкеты респондента с указанием региона, в котором непосредственно проводилось обследование. Принятые сокращения: МР – московский регион, СО – Свердловская область.

если мы, марийцы, понимали, что они не понимают там, мы все равно старались разговаривать на русском. А татары — они не церемонились! Они, даже если мы не понимаем, они все равно на своем: они посмелее» (№2МР).

Родители респондентов были марийцами², уроженцами этих мест (за исключением матери одной из опрошенных, башкирской марийки, которая до конца своих дней оставалась ревностно «привержена своему костюму башкирских мари» и владела, кроме русского и марийского, татарским языком (об этом см. также [Куцаева 2020а: 9–10]). Между собой родители опрошенных разговаривали на марийском языке.

При этом, кажется, именно в поколении опрошенных начинается языковой сдвиг, обусловленный, по убеждению одной из респонденток, «идеологией, искореняющей знание родного языка, когда детей осознанно не учили родному языку». Анализ конкретно ее языковой биографии позволяет заметить, однако, ряд факторов, способствующих переходу на большой язык в том числе во внутрисемейном общении: положение в семье (младший из пяти сиблингов, тогда как старший был «с родным марийским»); отсутствие контактов с самыми старшими членами семьи («не застала бабушек»); влияние языка общения старших братьев и сестер на языковые практики младшего (о влиянии старших на младших см. также [Smith-Christmas 2016: 43]). В итоге в семье и подчас за ее пределами язык общения был «смешанным» с родителями и другими старшими родственниками, соседями. «У нас был такой анекдот, что дети, которые меня окружали, всё время спорили: русская я или марийка. Потому что я не знала марийского языка. Те, кто постарше говорили: «Она марийка». Потому что понимали, что родители — марийцы. Другие спорили, что я русская» (№1МР). Контакты с детьми на улице в конечном счете явились каналом

---

² Как отмечается, сохранение эндогамности чаще бывает при наличии в одном регионе населения с разными религиями [Кузнецова 2000: 30].

изучения марийского языка: «А вот так я выучила. Лет с пяти. Дети, хихикая, им же интересно, что я не знаю, а они все на марийском, а я не знаю. Они мне говорили: “Скажи *ушкал* (это корова)”. Я говорила: “*Ушкал*”. “Скажи там *пырыс* (кошка)”. И вот таким образом дети меня практически научили» (№1МР). В семье другой респондентки, напротив, всегда практиковался исключительно марийский — с бабушкой, родителями, братьями и сестрами: «Родители вообще не общались со мной на русском языке. Только на марийском. Я знала, что общение на русском — такое не пройдет, и это не нужно. То есть они прямо вот за свой язык были! Дома мы только на марийском» (№2МР). Однако по определенным соображениям, в том числе практического свойства (было удобнее заводить ребенка по дороге на работу), девочкой ее отправили в детский сад «в части русского населения», хотя «в марийской стороне также был свой детсад». Русский язык «возникал, таким образом, в дружбе с ребятами» (№2МР).

В период школьного обучения первая респондентка застала марийский язык лишь в нулевом классе в 1975 г.; позже, по ее словам, преподавание марийского было прекращено. В этом случае действительно уместно говорить об определенной идеологии: курс на достижение всеобщего национально-русского двуязычия имел целью «по возможности быструю идеологическую унификацию в рамках провозглашенной тогда новой исторической общности — советских людей» [Беликов, Крысин 2016: 305]. Языком обучения на уроках и общения на переменах выступал русский язык. Вторая респондентка, однако, отметила, что ей доводилось иногда использовать марийский язык в школе: «Когда я пошла в первый класс, у нас пришли еще и марийцы. Те, которые с марийской части и выросли в детском саду. Они знали очень плохо, разговаривали очень плохо на русском языке. Поэтому я с ними иногда общалась на марийском языке. Потом я им помогала писать диктанты на русском. Я проверяла у них ошибки. А так — общались все на русском языке» (№2МР).

Широкая популярность народных творческих коллективов, активное участие в художественной самодеятельности и кружковой работе содействовали поддержанию марийского в том числе у лиц с пассивным знанием этнического языка. Бытование языка в народно-праздничной культуре, приобщение к которой велось как в семье, так и в марийском сообществе, являлось, таким образом, дополнительным и немаловажным каналом поддержания марийского в полиэтнической среде. «Мы пели. Мама поющая, папа играл на гармошке все марийские наигрыши. Поэтому культура не искоренялась у нас в семье. У нас в селе всегда была развита художественная самодеятельность. Вот именно нашей национальной марийской культуры. И будучи еще в школе, я посещала коллективы, где мы пели, плясали на родном языке. Это тоже дало мне хороший такой пласт» (№1МР). Дальнейшее образование обеих опрошенных осуществлялось с русским языком обучения.

Браки обеих участниц опроса были межэтническими. «Мой папа всегда был приверженец, что надо выходить за своих. За марийцев. И когда я закончила училище, нас по распределению отправили за 360 километров от Екатеринбурга. До моих родителей, получается, 700 километров — я была немножко оторвана. И он мне пригрозил, сказал: «Никаких русских!» Ну я, в общем-то, так судьба сложилась, я приезжаю, говорю: «Папа, там ни одного марийца нет! Так что пришлось выйти замуж за русского!» (№1МР). «Мой муж татарин. А раньше все хотели выйти замуж за русского, все девочки. А мама мне сказала: “Ну кто знает, может, ты и за татарина выйдешь!” — “Да ни за что!” Но — судьба!» (№2МР). Языком внутрисемейного общения в обоих случаях был русский язык.

Дети, рожденные в таких браках, по словам опрошенных, являются «наполовину русским, наполовину марийцем» (№1МР)³, «никакой национальности. Он русский, он

³ Часто в смешанных русско-марийских семьях дети причисляют себя к русским [Сепеев 2006: 174].

не знает марийского языка» (№2МР). В одном случае сын респондентки «спокойно существует со знанием русского языка» (№1МР) несмотря на то, что ему прививался интерес к марийскому. В другом случае респондентка высказала сожаление о том, что не передала сыну марийский язык. Кажется, об этом жалеет и ее сын: «И он говорит: “Почему вы меня с детства не учили всему этому?” Вот он сейчас изучает английский язык, ему немножечко сложно. Не совсем сложно, у него есть для этого талант. Но он говорит: “Если бы я с детства знал марийский, татарский язык, то у меня мировоззрение было бы больше. Я бы очень легко изучал другие языки сейчас”. Ну вот это моя ошибка. Может, и время такое было. Мне же никто об этом не сказал. Если бы мне сказали, может быть. Хотя мама мне говорила об этом: “Учи! Учи! В жизни ему легче будет!” Мама не то чтобы мне с укором, она как бы желала. Как бы это перевести с марийского языка? “Дочь, я бы хотела, я бы желала, чтобы вы учили своих детей языку. Чтобы они знали свой язык”. А мы говорили: “Да кому это надо сейчас, мама? Да никому это не надо! Какому-то марийскому языку? Какому-то татарскому языку? Да сейчас Англия, Франция, Испания, Италия — вот куда надо стремиться!” Если бы мне кто-то по-другому объяснил. Но мы уже тогда общались больше с русскими, а эти народности были, честно сказать, никому тогда были не нужны. Это сейчас какая-то мода, ну стали как-то историю... мы по-другому стали мыслить уже, и относиться к своей религии, к своему народу» (№2МР).

В настоящее время обе респондентки принимают участие в жизни московского марийского землячества, посещают мероприятия, связанные с культурой и историей марийского народа, проявляют интерес к спектаклям и гастролям марийских творческих коллективов в Москве. В отношении религиозной составляющей требуется отметить, что, если одна респондентка, «возродила» в своей семье марийские верования, которые несколько угасли в поколении ее родителей, стала посещать вместе с отцом ма-

рийские моления *кумалтыш* на малой родине; то вторая участница опроса едва ли теряла связь с марийскими верованиями, хотя и не ходит в священные рощи. «У нас на марийском языке говорят *Юмо*. Бог. *Юмо* — это Бог. Единый. И мама говорила: “Вот у русских всегда через этого Христа, через посредника к Богу обращаются, то мы обращаемся напрямую к Богу”. Вот так она нас всегда учила. Она нас учила, когда к речке, к ручью спускаешься, всегда нужно сказать молитвы. Обязательно нужно говорить молитвы. Всегда умывались. Всегда благодарили. Даже когда в лес заходили, то точно так же. Молились. Определенные молитвенные слова говорили. Лесу поклонялись, хозяину леса. Мы всегда поклонялись, чтобы наши лукошки, наши ведра, наши корзиночки были наполнены. Свои молитвы. Доступным языком. Рощ у нас не было. Они были в других деревнях, но у нас этих рощ не было. Никогда не ходила на моления. Я точно знаю, что и мама не была. Было непозволительно тогда. Сейчас я тоже некрещеная. Обязательно обращаюсь к лесу, воде. Я же говорю, что у нас язычество до сих пор осталось. Мы всегда возвращались с полными ведрами, потому что мы, как говорила мама, ходили с утра, просили у Бога, у леса дары и возвращались. И мы, правда, заходили в лес — и мы всегда собирали. И мы же раньше детьми этого не понимали! А вот сейчас начинаем осознавать все эти действия. Я тоже самое рассказываю сыну. Он вначале не слушал, смеялся: “Ну, мам, сказки!” А сейчас он начинает осознавать. Или может он видит во мне эти действия — да, оказывается, всё так» (№2МР).

Ключевыми маркерами этнической идентичности опрошенных являются в одном случае «исторические корни; знание языка, владение языком; умение петь, танцевать; марийский костюм», во втором случае это «марийская внешность, знание языка, знание своей истории и культуры» (ср. данные в общей выборке, о которых мы указывали в [Куцаева 2020б: 126–127]).

Функционирование марийского языка в образовательной сфере в регионе

Респонденты в выборке, в силу обстоятельств, как это стало очевидно из анализа их языковых биографий, не изучали марийский язык в школе (за исключением нулевого класса (№1МР). Тем не менее марийский язык являлся и является и сегодня предметом изучения в ряде школ Свердловской области. Ст. 3 п. 4 Закона № 1807-1 предусмотрено, что в местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности; порядок использования языков определяется законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [Закон № 1807-1].

В настоящее время в Свердловской области марийский язык изучается в следующих школах:

Табл. 1. Сведения об изучении марийского языка в образовательных учреждениях Свердловской области (по данным за 2022 г., предоставленным М. Г. Егоровой, заведующей муниципальным информационно-методическим центром Управления образования администрации Ачитского городского округа и дополненным актуальной информацией за 2023 г.)

№	Муниципальное образование	Количество населенных пунктов, где компактно проживают мари/ количество школ	Школы, в которых есть этнокультурный компонент
1	МО «Артинский городской округ»	5/3	1.МБОУ «Куркинская ООШ, 2.МБОУ «Малотавринская СОШ»

2	МО «Ачитский городской округ»	4/1	1.МКОУ АГО «Марикаршинская ООШ»
3	МО «Красноуфимский округ»	6/5	1.МКОУ «Ювинская СОШ» 2. ⁴
4	МО «Нижне-сергинский городской округ»	1/1	1.МКОУ ООШ с. Старобухарово

Ср. с данными, приведенными в Справочнике «Марийский мир» [Справочник 2004: 56–57]:

Табл. 2 Список школ с преподаванием марийского языка

Название населенного пункта	Вид учебного заведения, год открытия марийских классов	Формы изучения марийского языка	Количество классов и учащихся, изучающих марийский язык
Ачитский р-н, д. В-Потам	Верх-Потамская ООШ с 1982 г.	В федеральном компоненте учебного плана 3 часа на изучение марийского языка и литературы	9 классов, 50 учащихся
Ачитский р-н, Д. Марийские Карши	Марикаршинская ООШ с 1982 г.	В федеральном компоненте учебного плана 3 часа на изучение марийского языка и литературы	9 классов, 75 учащихся
Артинский р-н, С. М-Тавра	Мало-Тавринская ООШ с 1995 г.	Факультативные занятия с 1 по 7 класс «История культуры и история марийского народа»	97 учащихся

⁴ По нашим данным в 2022–2023 учебном году в МАОУ «Бугалышская СОШ» (Красноуфимский р-н) в системе дополнительного образования ведется кружок «Культура марийского народа», который охватывает 12 учащихся начальной школы (с первого по четвертый класс).

Таким образом, в четырех районах Свердловской области расположены 16 населенных пунктов, в которых компактно проживают мари. На 16 населенных пунктов приходится 10 школ, из них лишь в шести в учебный план входит марийский язык в виде этнокультурного компонента. В основном это кружковая деятельность и факультативный курс «История и культура марийского народа». Однако в нескольких школах (в Марийских Каршах и в Старобухарово) ведется предмет «Родной (марийский) язык» и «Родная (марийская) литература», на которые выделяется два часа в обязательной части учебного плана. Кроме того, учащиеся этих школ охвачены внеурочной деятельностью с первого по девятый класс, посвященной изучению истории и культуры марийского народа (один час в неделю). В МБОУ «Малотавринская СОШ» марийский язык и литература ведутся со второго по четвертый класс, в пятом классе имеется факультативный курс «История и культура марийского народа». Таким образом, в настоящее время в школах региона представлены следующие формы ведения этнокультурного компонента в учебном плане:

- 1) Обязательная часть. Родной язык и литература;
- 2) Часть, формируемая участниками образовательных отношений. Родной язык и литература. История и культура марийского народа;
- 3) Внеурочная деятельность. Дополнительное изучение учебных предметов. Комплекс воспитательных мероприятий.

В ходе подготовки материалов автору статьи удалось побеседовать с педагогами школ, в которых преподается марийский язык. «У нас по всей школе всего-то 35 детей, с первого по девятый класс. Школа маленькая, небольшая. У меня вот нынче девятый класс выпускной — пять детей, в восьмом классе тоже пятеро, в седьмом тоже пятеро, в шестом тоже пять, в четвертом одна девочка. В третьем

классе тоже пять человек. Во втором классе тоже пять. А в первом классе нынче три ребенка. Ну, придут нынче в сентябре тоже пять-шесть, может семь — самый большой класс будет!» (№3СО). В другой школе марийский язык изучают 16 человек (всего в школе обучаются 26 человек). Обе школы являются малокомплектными.

Одним из наиболее существенных факторов, оказавших губительное влияние на ситуацию с преподаванием языков народов РФ, является оптимизация образования: она коснулась прежде всего сельских школ, поскольку по причине малочисленности учащихся такие школы закрывались и продолжают закрываться в первую очередь, а дети, как это часто случается, распределяются в школы с русским языком обучения [Долгова 2020: 27]. Поясним это на примере одной из школ Свердловской области: «У нас село Средний Бугалыш Красноуфимского района Свердловской области, численность населения около полутора тысяч. Село у нас многонациональное, здесь у нас и татары, и марийцы, и русские — все вместе живут. Около Среднего Бугалыша тут же, через дорогу, получается, через мостик, — Верхний Бугалыш, там марийцы только живут. В центральной усадьбе Среднего Бугалыша — практически все русские, и через мостик, получается, в этом же Среднем Бугалыше — татары. А так — в Верхнем Бугалыше раньше была школа, они там изучали марийский язык, но это давным-давно! Ну она не совсем прямо национальная была, там с элементами национального только было. Тоже была в татарском своем Бугалыше маленькая школа, потом ее тоже закрыли в связи с тем, построили эту новую школу в 1984 году, и мы все переехали в эту новую школу. Там (в Верхнем Бугалыше — прим. М. К.) уже разваливалась школа, печки топили руками, в общем, не было центрального отопления, а сейчас у нас всё — цивилизация! Эта центральная школа стала на всех, трехэтажная, и всех нас перевели сюда. Она многонациональная. При этом они все на русском учат, у нас в школе только кружки — марийский, татарский кружок. Это дополнительное образо-

вание. Сейчас в этой школе у нас 171 ученик. А у нас еще два филиала присоединились! Это Новый Бугальш, там татарская деревня, и Усть-Маш, там русские и марийцы. Но у них тоже не преподается никаких марийских и татарских. У нас тоже, конечно, не преподается, но у нас есть кружок! А у них нет, потому что они лицензию не прошли в свое время. А у нас лицензия дополнительного образования есть! Школа должна была подавать, чтобы мы могли преподавать это дополнительное образование. Разные кружки: и спортивные секции, и вот эти национальные... этнокультурные» (№4СО).

Единственная на сегодняшний день школа в регионе, в которой преподавание марийского ведется со второго по девятый класс, Марикаршинская (Ачитский район), кажется, не раз подвергалась опасности быть оптимизированной. В Ачитском районе в 1999 г. была закрыта Артемейковская школа, где учились дети из двух марийских деревень, и учеников перевели в близлежащие (в двух-трех километрах) Марийские Карши — в здание детского сада с обещанием построить новое здание школы. Спустя десять лет под угрозой закрытия оказалась и эта школа, поскольку здание детского сада было признано не соответствующим нормам Роспотребнадзора, а новая школа так и осталась обещанием на бумаге. Учащихся планировалось перевести в школу, расположенную на значительном расстоянии (в деревне Верхний Потам) и рассчитанную на 120 мест (в то время как в ней обучалось 43 чел.). Марикаршинцы, однако, свою школу отстаивали: «Мы сказали, что школа у нас с родным языком, мы хотим, чтобы школа у нас у себя в деревне была, а дорога — это все-таки опасно. Год-полтора это шло: мы к министру образования на прием в Екатеринбург ездили, письмо писали. Газета, телевидение к нам приезжали!» (№3СО) (об этом см. [Базуева 2009]). Попутно отметим, что к настоящему времени Верх-Потамская школа, куда планировалось перевести марикаршинцев, закрыта: «дети закончились, у них на всю деревню девять детей, они в русскую школу

в соседнюю деревню ездят» (№3СО). Укажем также, что изучение марийского языка в ходе проведения реформ в области преподавания родных языков было утрачено именно в самых крупных районах Свердловской области с компактным проживанием марийцев — Красноуфимском и Артинском, «где марийские деревни испокон веков большие» (№3СО), в то время как в двух других районах, менее значительных по площади и с меньшим числом марийских поселений (так, в Нижне-сергинском — всего одно) марийский язык удалось сохранить. И особую роль, как подчеркивали неоднократно педагоги, сыграла активная позиция администрации школ, их неравнодушные к судьбе марийского языка.

Ключевые проблемы с преподаванием марийского языка в регионе

Согласно Ст. 3 Закона «О языках в Республике Марий Эл», Республика Марий Эл оказывает активное содействие изучению марийского языка за пределами Республики [Закон 1995, ст. 3]. Местные педагоги поддерживают связь с Республикой; однако, по нашим наблюдениям, связь эта не обрывается именно благодаря активной позиции самих педагогов-подвижников. Поясним это на конкретных примерах.

Ключевыми проблемами, с которыми сталкиваются образовательные организации в регионе в течение последних десятилетий, являются, во-первых, кадровые вопросы в организации обучения родного языка; во-вторых, отсутствие актуальных учебно-методических комплектов; в-третьих, мотивация учащихся и их родителей (законных представителей) к изучению марийского языка.

Всего в двух школах региона имеются квалифицированные учителя родного языка (один из них — учитель начальных классов с дальнейшей переподготовкой в Институте образования Республики Марий Эл; с другой педагог имеет диплом Марийского педагогического институ-

та (специальность не уточнена — прим. М. К.). В других школах кружковая деятельность ведется педагогами-предметниками, которые прошли курсы переподготовки (в некоторых случаях курс продолжительностью 72 академических часа — прим. М. К.) в Йошкар-Оле. Решением кадрового вопроса при активном взаимодействии с Институтом развития образования РМЭ могла бы стать организация курсовой переподготовки педагогов (в том числе в режиме онлайн), а также возможность трудоустройства выпускников пединститутов из РМЭ в местных школах, — считает М. Г. Егорова, заведующая муниципальным информационно-методическим центром Управления образования администрации Ачитского городского округа.

Второй проблемный вопрос касается учебно-методического обеспечения образовательного процесса. «Мы же работаем по программе, которая министерством образования Республики Марий Эл утверждена, мы не сами придумываем, нам оттуда спускают. И у нас учебники от них, они же должны быть рекомендованы Министерством образования Республики Марий Эл» [№3СО]. Нехватка учебников — проблема для региона не новая: «Учебники всегда раньше были, поставка учебной, художественной литературы из Марий Эл была хорошая⁵. Это в 1990-е гг., знае-

---

⁵ «Раньше, говорили, даже математику учили здесь на марийском языке. Я даже помню, что где-то на складах, когда макулатура была, лежал учебник “Математика” на марийском языке. Это я маленькая когда была, пошла в первый класс. Математика на марийском — что-то в памяти у меня отпечаталось: “О, ничего себе, математика на марийском языке!” Нас-то уже не учили, уже просто предмет был марийский, остальное всё в наши времена преподавалось на русском» [№3СО].

Ситуация с выпуском учебной литературы на марийском языке в динамике следующая: с 1908 по 1960 гг. было издано свыше 500 наименований учебников по естественно-научным дисциплинам, а также по истории и обществоведению, что обеспечило обучение в школах на родном языке. С 1959/60

те, связь разорвалась. И я каждый раз, когда ездила на учебу и всё такое, всегда покупала и привозила к себе в школу для работы. Всё, что видела, искала и привозила. На себе. Всё за свои деньги» [№3СО]. В организации учебного процесса учителями используются учебники⁶ 2002, 2004, 2006, 2009, 2011 года выпуска.

Первоначально проблема виделась педагогам в отсутствии соглашений между Министерством образования и молодежной политики Свердловской области и Министерством образования и молодежной политики Республики Марий Эл о поставке учебников; как предполагалось, оформление совместной заявки от всех школ позволило бы наладить поставку и существенно сократить расходы при закупке. Этот вопрос был вынесен на повестку конференции, проходившей в августе 2022 г. в г. Красноуфимске [Ласточкина, Пехметова 2022] и собравшей, впервые за долгие

учебного года в связи с постановлением Верховного Совета Марийской АССР «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии народного образования в Марийской АССР» и постепенным переходом на русский язык обучения с пятого класса прекращается издание учебников на марийском языке по естественно-научным предметам для средней школы, затем и для начальной школы [Энциклопедия Марий Эл 2009: 777–778].

⁶ В кружковой деятельности, по признанию одного из педагогов, в качестве базового пособия в 2000-х гг. привлекалась «Азбука» «семьдесят какого-то года, которая в библиотеке лежит». По этой «Азбуке» дети изучали буквы и короткие слова *авай* (мар. мама) *ачай* (мар. отец), «в общем, о семье рассказывали на марийском языке. Потом нам с Йошкар-Олы методические пособия дали. Я сама купила уже пособия для 1–3 классов, олимпиадные задания детские. Я не всё оттуда брала, какие-то стихи, задания некоторые. Чтобы интересно ребятам было. А если по пособию работать, ну как-то: “Встаньте, сядьте, запишите”, — это не то! Мы не то чтобы прямо зазубривать. Мы традиции, обряды показывали, рассказывали, пели песни, танцевали. Кружковая работа — она и на то, чтобы она творческая была!» [№4СО].

годы разобщенной работы, всех педагогов марийских школ Свердловской области. С решением конференции инициативная группа педагогов «вышла на министра образования Свердловской области, была на приеме в Екатеринбурге» [№5СО], однако вопрос обернулся новыми трудностями: «Нам сказали, нет учебников в федеральном перечне, не имеют права выделять на это».

Изменения в федеральном законодательстве в области образования, связанные с принятием нового закона об образовании, вызвали необходимость регистрации учебных программ в федеральном реестре и включением учебников по родным языкам в перечень рекомендованных [Долгова 2020: 28]. Кроме того, действующие ФГОС не позволяют использовать учебные пособия для преподавания учебного предмета, входящего в обязательную часть учебного плана. Для этого учебным пособиям необходимо придать статус учебников, что требует дополнительных финансовых ресурсов: для получения разрешения вхождения в федеральный перечень учебников (ФПУ) следует пройти научную, педагогическую, общественную, региональную экспертизу, подготовить электронную форму учебника и пр. [Исаев 2020: 229].

По состоянию на начало 2022–2023 учебного года учебников по марийскому языку и марийской литературе в ФПУ не было, поскольку экспертизу они не прошли. На встрече с министром образования и молодежной политики Свердловской области инициативной группе было предложено «включиться в конкурс проектов, разработать проект, чтобы на эти деньги купить учебники». «Грант мы выбрали — по этнокультурному направлению. Сначала мы не успели подготовить на первый грант. Все же работают! Этим заниматься некогда, вот готовим на второй. Заявка-то уже подана на триста с чем-то учебников. Мы к ним в Институт образования⁷ обра-

---

⁷ В Республиках Марий Эл, Башкортостан, Татарстан, Удмуртии, где проживает значительная часть марийского населения, обучение ведется по учебным пособиям, выпущенным

тились, они нам выслали письмо с перечнем. Заказали учебники родного языка и родной литературы с первого по девятый класс. Кроме этого, есть в заявке один учебник буквально — “История и культура народов Республики Марий Эл”. Потому что не издаются пока учебники с первого по девятый класс — у них в перечне только за девятый класс» [№5CO]. Работа над проектом объединила семь школ из четырех районов компактного проживания марийцев в Свердловской области.

Третий комплекс актуальных вопросов связан с мотивацией к изучению языка. Эта проблема не является уникальной для педагогов марийского языка на Урале; она отражена и в концепции преподавания родных языков, утвержденной в 2019 г. Коллегией Министерства просвещения Российской Федерации: неуклонное уменьшение числа говорящих на языках народов России обусловлено нарастающим, особенно в последние 10–15 лет, процессом «ухода» языков из школьного образования [Долгова 2020: 28–29]. В соответствии с изменениями в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» преподавание и изучение родных языков организовано с учетом запросов обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся. Однако уместно ли переносить ответственность за сохранение языков малых народов на плечи родителей, если это является задачей государства, как это следует из целого ряда нормативных правовых актов, гарантирующего право всем народам России сохранения родного языка и создания условий для его изучения и развития [Исаев 2020: 228]. В малокомплектных школах, расположенных в зоне компактного рас-

---

Марийским институтом образования, поскольку последний входит в перечень издательств, имеющих право на выпуск учебных пособий. Данный перечень издательств в свою очередь утвержден Министерством просвещения, а значит, согласно закону «Об образовании в РФ», данные пособия можно использовать ввиду временного отсутствия учебников в ФПУ [№5CO].

селения народов, ситуация с подобным выбором способна приобрести контагиозный характер: «С 2016 г. в учебный план ввели марийский язык. Но опять же по выбору. Некоторые вначале согласились на марийский полностью, а тут одна (родительница — прим. М. К.) появилась, начала баламутить в начальных классах» [№6СО]. «Она написала заявление о том, что не желает, чтобы ее ребенок изучал марийский язык и литературу, повлияла на родителей всего класса. Остальные поддержали. В классе их трое. Они переехали потом, после начальной школы. Оставшимся мы предлагали, но они как-то не пожелали написать заявление — всё уже, так и пошло. Так что в шестом классе у меня нет часов» [№7СО].

Нередки случаи, впрочем, когда, несмотря на отсутствие заявления со стороны родителей, дети самостоятельно и с большой охотой посещают факультативные занятия по марийскому языку и культуре. Педагоги на местах в свою очередь стремятся повысить мотивацию детей к изучению марийского языка и литературы путем использования практико-ориентированных и при этом современных и востребованных методик. Ежегодно проводится олимпиада по марийскому языку (в январе 2022 г. в региональном этапе олимпиады приняли участие 12 человек, в 2023 г. — 15), День громкого чтения произведений марийской литературы, Марийский диктант в рамках Дня марийской письменности. Педагоги и сами общаются к участию в программах по развитию информационных технологий в области марийского языка под руководством А. В. Чемышева: на сегодняшний день записаны пять марийских сказок, озвучено более 1 800 фраз в программе Common Voice [№5СО]. Особо стоит отметить проектную деятельность: по свидетельству [№8СО], «благодаря участию в этнографических конкурсах, дети стали больше говорить на марийском, даже между собой. Мы же ездили в Москву несколько лет назад с сочинением про родной язык, это мы все на внеурочке, на “Технологии” делали. И вот после этой поездки у них интерес по-

явился, они стараются между собой (разговаривать на марийском — прим. М. К.). Если раньше сопротивлялись, сейчас — никто, даже русские дети на марийском понимают, слушают».

Отведенных программой часов на изучение родного языка, безусловно, не хватает, однако, по общему мнению, «это лучше, чем ничего». Кроме того, педагоги при любой возможности стараются приобщить детей к марийскому языку: «У меня еще, кстати, говоря, музыка есть вдобавок. Предмет “Музыка”. И вот частенько я включаю современные марийские песни, которые им нравятся, они с удовольствием поют. Ну непонятные слова если — подходят, спрашивают: “Это что за слово?” По программе музыка ведется и в начальной школе, и потом у меня с пятого по восьмой класс. Все поют, даже те, которые в шестом классе (родители учащихся отказались от изучения их детьми марийского — прим. М. К.). Все вместе поют. У нас даже есть песня-гимн своей деревни на марийском языке, и вот я стараюсь ежегодно изучить с детьми эту песню» [№7СО].

Крайне низким представляется уровень владения учащимися марийским языком. В классе, случается, оказываются дети, которые имеют разный уровень владения языком (к примеру, в одном классе обучаются всего два учащихся, в семье одного из них «на марийском разговаривают, у него словарный запас больше, а во второй семье полностью на русском, поэтому приходится с ним больше заниматься» [№7СО], что чрезвычайно трудно с точки зрения организации учебного процесса и требует от педагога большого мастерства и усилий.

В заключении раздела приведем размышления педагога с почти 30-летним стажем преподавания родного марийского языка. «Раньше все прекрасно владели марийским языком, а сейчас это катастрофа. В последние лет пять. Сейчас телефоны всё вытесняют. Ребенку родители в руки сунули, получается, годовалому, еще ползает, они же в телефонах зависают, слышат больше в телефоне на русском языке речь, чем на родном. И родители до такой

степени уже привыкли, что в семье со своими детьми разговаривают на русском. В школу в первый класс приходят, еле-еле! Они понимают, знают, слышали — но говорить им уже тяжело. Республика Марий Эл над этим плотно работает, отсылает нам тоже, мультики всякие смотрим, игры. Но очень тяжело, конечно, стало. Дети приходят: “Мы не понимаем, чего вы сказали”. Какие слова непонятны — объясняем, повторяем, стараемся закрепить. Но постоянно с переводом на русский⁸ для тех именно, кто плохо понимает. В основном как бы на двух языках. Ну вот из пяти в классе, бывает, что один или двое не владеют, хотя вроде бабушка, дедушка, папа, мама — мари, а с ребенком постоянно на русском. Я несколько раз замечания делала: “Почему с детьми-то разговариваете на русском?” — «Слушайте, как-то уже привычно!» — говорят. В школе тоже преподавателям делала замечания. На перемене дети подходят, учителя разговаривают с ними на русском языке. Я говорю: “Зачем разговариваете с ними на русском? Вы же не на уроке!” Понятно, на уроке математики — на русском, а так, говорю, если в обыденное, простое время! До такой степени привыкли, что всё — автоматом уже. За голову хватаюсь, не знаю, как дальше преподавать. Как “Родной язык” уже становится невозможно, очень тяжело. Но мы пока держимся, как “Родной язык” его и преподаем. А так, знаете, как иностранный язык надо изучать. И во-вторых, нужно, я думаю, уже нас, учителей, переучивать, как “Родной язык” преподавать как для русских детей» [№3СО].

---

⁸ Ср. обратную ситуацию, которую мы приводили в [Куцаева 2022б: 130]: ранее в деревенских и сельских школах с компактным проживанием марийцев при устном изложении материала учитель использовал в большей мере марийский язык, хотя учебники по предметам (за исключением марийского как родного) были написаны на русском языке.

Марийский язык, этническая идентичность и культура

По словам педагогов местных школ, бедственное положение с марийским в школах — лишь вершина айсберга, поскольку этнический язык вымывается из семейных языковых практик. «Родной язык дается в семье. Только семья — захотела, чтобы ребенок знал родной язык, они могут дать. А в школу-то они приходят не одному языку учиться разговаривать, а знакомиться с правилами. Как правильно и красиво нужно разговаривать, составлять слова, предложения» [№3СО]. Основными причинами слабостью межпоколенческой передачи языка являются негативные отношения носителей языка к марийскому: «Это и сейчас прослеживается у родителей: зачем нам это надо, мы этого не хотим, они экзамены не сдают, нигде не приговждается» [№7СО]. «Зачем учить марийский, если мы дома не говорим, зачем это ребенку надо — лишняя информация, говорят» [№4СО]. В основании негативных отношений лежат глубинные языковые идеологии. Языковые идеологии действуют в обществе и передаются через различных агентов, включая учителей, ровесников, семью⁹,

---

⁹ Об этом нам довелось услышать в интервью с одним из педагогов, когда она говорила о своем детстве и вспомнила, что в семье ее учителя марийского языка с детьми говорили по-русски, к матери дети обращались «мама», а не «*авай*»: «И прежде всего такое отношение к марийскому языку, я считаю, пошло из учительских семей. То есть учителя хотели, чтобы дети более образованные были, сразу учили своих детей русскому языку» [№6СО]. А поскольку учитель являлся представителем сельской интеллигенции, распространение подобного отношения к языку и равнение на мнение учителя среди деревенских жителей было вполне очевидным. Кроме того, в погоне «за идеальным русским языком» для своих детей в относительно недавнем прошлом некоторые родители отправляли детей в близлежащую школу-интернат, несмотря на статус школы — это была коррекционная школа. «Родители всегда хотели, они думали, что если он чисто и хорошо на-

СМИ [Dołowy-Rybińska, Hornsby 2021: 106]. Языковые идеологии настолько укоренены в обществе, что их происхождение часто забывается самими говорящими; они социально воспроизводятся и воспринимаются в качестве совершенно естественных и здравых суждений, тем самым маскируя процессы социальной конструкции в действии [Smith-Christmas et al 2018: 25]. Языковые идеологии проявляются в форме отношений к языку, которые в свою очередь являются «мостиком» между идеологиями и выбором того или иного языка [Dołowy-Rybińska, Hornsby 2021: 106], в том числе в системе школьного образования: «Ну, “Родной язык” — это дополнительные часы, это нагрузка детям, естественно, дети не всегда хотят учиться. И так далее. Ну и родители, они считали: зачем этот “Родной язык”? Дальше, как они говорили, родного села он не нужен. Не помогает ни при поступлении — никак» [№5CO]. Дополнительным фактором непередачи языка выступают межэтнические браки¹⁰: «Это такие родители, которые сами толком не знают марийский язык. Может, дома не говорящие. Может, за русского замуж вышли» [№4CO]. Языком внутрисемейного общения выступает русский язык, поскольку другой супруг не владеет марийским (подобный односторонний тип билингвизма в целом характерен для русскоязычного населения многих республик РФ [ССТ 2006: 158]. Дети, рожденные в таких браках, также слабо владеют или не владеют марийским вовсе, как это было указано выше.

В более широком контексте этнический язык уходит и из самой марийской деревни: и если раньше городские

учится разговаривать на русском языке, то и себе лучший кусок солнца достанется» [№6CO].

¹⁰ Впрочем, как было указано в [Сепеев 1975: 19], смешанные браки были характерны для восточных марийцев, проживающих в селениях вместе с татарами, башкирами, русскими, удмуртами, чувашами, и вступающими с ними в кровные и брачные связи. По данным полевых материалов того же автора, в некоторых смешанных деревнях имели место браки между марийцами и представителями других народов.

дети, приезжавшие на каникулы из города к старшим родственникам, могли погрузиться в языковую среду, общаться дома с бабушкой, а на улице — со сверстниками на марийском языке, изучая его, таким образом, в естественной среде, то в настоящее время, по наблюдению наших информантов, это квази-невозможно. При этом, как мы указывали в [Куцаева 2022а: 36], практически все опрошенные нами московские марийцы в выборке по-прежнему возлагают надежду на трансмиссию языка детям через марийскую деревню, параллельно слагая с себя всякую ответственность в межпоколенческой передаче языка. «Раньше, если ты хочешь с бабушкой разговаривать — внуку с города приехавшему, — ты учишься за лето разговаривать на марийском. Сейчас уже в возрасте сорока лет те, которые в те времена были молодыми, но жили в городе и подростками приезжали в деревню, они ведь родной язык никогда не изучали — не писали, не читали, но они до сих пор разговаривают на марийском языке, потому что они летом приезжали в деревню. Потому что ВСЕ в деревне разговаривали на марийском языке. Сейчас этого нет, все практикуются на русском языке. И поэтому те, кто даже приехали, они такие обыденные слова — *мама, папа, бабушка, дедушка, дай, покушать сели, спать легли*, — вот такие примитивные слова знают, а чтобы предложения составлять — это все-таки им уже тяжело» [№3СО].

По данным [ВПН 2020] численность марийцев в Свердловской области существенно сократилась за последнее десятилетие, одна из причин, помимо социально-экономической неустроенности и оттока населения в большие города, кроется в смене этнической идентичности в смешанных русско-марийских семьях, причисляющих себя к русским, прямом отказе от этнической идентичности своих родителей [Сепеев 2006: 174–175]. И таких детей, кажется, с каждым годом становится больше: «Вот у меня в классе из марийской семьи русский ребенок, так скажем. Полностью марийская семья, а она пришла в класс: “Я рус-

ская. Я же только на русском разговариваю». — «Ну это, — говорю, — вопросы к твоим родителям»» [№3СО].

Одновременно с утратой значительной частью мари этнической идентичности происходит противоположный процесс — формирование мариийской идентичности немариийцами. Дело в том, что в последние десятилетия жители мариийских деревень региона активно брали в свои семьи приемных детей на воспитание¹¹. Эти дети жили в мариийских семьях, обрели мариийских родителей, братьев и сестер, ходили в школу и учили мариийский язык наравне с этническими мариийцами и при этом, по словам педагогов, некоторые из них успешнее овладели мариийским языком, чем дети, рожденные от мариийцев. Своим опытом поделился один из участников нашего обследования, 1998 г.р., в настоящее время проживающий в Московской области: «В приемную семью к родителям попал в десять лет, летом. Буквально за два месяца выучил, ну как — среди мариийцев живешь, они постоянно разговаривают на мариийском, ну и быстро выучил мариийский язык. Как-то мне было интересно узнать, а что они говорят, а как — это, а как — то. Другой язык — это же интересно! Постоянно что-то узнаешь, на рыбалку с соседями ходишь, и они как бы подкалывали, бывает, плохие слова мне говорили и переводили наоборот, как будто это хорошие. Я приходил домой, говорил эти слова, мама говорит: «Откуда ты их узнал?» Я маме говорил, что так-то. Она говорит: «Это плохие слова», переводила мне, и как бы я уже потом втягивался, понимал, что люди иногда шутят. Бывало даже, что они мне переводят неправильно, а я делал вид, что ... хотя сам уже знал как бы. И потом — хоп, в неожиданный момент я ответ находил, как им ответить. Я пошел в деревне в четвертый класс. У них в программе

---

¹¹ По всей вероятности, это явление имело место и в прошлом: в мариийских деревнях восточных мари есть родовые группы, ведущие начало от приемных детей бедняков и сирот других народностей [Сепеев 1975: 19].

был марийский язык и литература. Ну, некоторым было неинтересно вообще даже сидеть на уроке, не записывали. А мне было интересно. У нас мало кто разговаривал, но кто именно с деревни сами родом, они могли впостоянку разговаривать, так как и родители у них разговаривают. И я также разговаривал как бы дома — с мамой, с папой и с ними. А когда в девятом классе я съездил на Олимпиаду с мамой, ходили по Йошкар-Оле, посмотрели площадь, я выступил за свой регион, занял третье место, так скажем, на международном уровне, и как бы ... у меня гордость такая появилась ... что мама научила меня и тому подобное. Наверное, тогда почувствовал, что я мариец. И я до сих пор считаю себя марийцем, честно сказать. И марийцем меня делает... вера в свою нацию, поддержание как бы ... придерживаясь всей этой культуры и как бы передавать язык из поколения в поколение, чтобы не забывали» [№9МР].

В условиях языкового сдвига, охватившего уральских марийцев, идентичность группы в большей мере поддерживается, по нашему мнению, благодаря культурной компоненте. В Свердловской области при сельских клубах и домах культуры организованы марийские творческие коллективы [Справочник 2004: 56; Марийцы 2013: 143], членами которых являются как взрослые, так и дети школьного возраста. Творческие коллективы принимают участие в различных районных и областных конкурсах, «куда возят всё свое национальное — песни, танцы» [№3СО]. Однако готовить «национальную» программу становится заметно сложнее: «И на марийском, и на русском приходится мне в ансамбле, потому что половина-то не знают марийский язык. Но они слова-то учат, всё поют. Но приходят, так и говорят: “Мы не понимаем. Я по-русски разговариваю”. Приходится им перевод делать, о чем они поют, — чтобы знали, чтобы эмоции какие-то были!» [№3СО].

Как мы отмечали в [Куцаева 2023в: 162] полноценное функционирование этнокультуры (а не ее сохранение в

стиле музейного мумифицирования) в условиях диаспоры возможно в той мере, в какой членами сообщества поддерживается этнический язык: «Вот эти праздники сплачивают марийцев. Вот *Ага Пайрем* — областной праздник. Они приходят прямо в марийских костюмах, те, которые, допустим, вообще не говорят. И когда на сцене поешь, танцуешь, ни прямо вот ... с завистью они смотрят, что это умеют делать другие люди» [№4СО]. Язык и культура глубоко переплетены, различные виды знаний упакованы в язык и культурные практики [Grenoble 2021: 16]. Язык и связанная с ним этнокультура «выросли вместе», а значит, сонастроены друг на друга. Они являются олицетворением друг друга в сознании как членов группы, так и внешних по отношению к этому сообществу людей. Между ними существует парциальная идентичность, т. е. элементы каждой культуры выражаются, имплементируются и реализуются посредством языка, с которым данная культура ассоциируется самым тесным образом. Значительная часть любой культуры в первую очередь выражается вербально: в песнях и молитвах, заповедях и пословицах, сказках и формулах приветствия, проклятиях и благословениях, философии, истории и т. д., таким образом язык охватывает практически всю нематериальную культуру [Fishman 1991: 20–24].

Нематериальное культурное наследие проявляется в устных традициях и формах выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; исполнительских искусствах; обычаях, обрядах, празднествах; знаниях и обычаях, относящихся к природе и вселенной; знаниях и навыках, связанных с традиционными ремеслами [Конвенция 2003]. В условиях, когда этнический язык вымывается из внутрисемейного общения в старой диаспоре, хранительницами нематериального культурного наследия и языка в качестве средства его передачи становятся местные педагоги, которые ведут внеурочную деятельность. На внеурочную деятельность в учебном плане выделяется «всего-то ноль пять, 17 часов в год с пятого по девятый класс; самые такие крохотные ас-

пекты, какие есть отличительные у нас в марийском, даем» [№3СО]. Совместно с педагогом школьники ежегодно оформляют стенд, посвященный марийской Пасхе *Кугече*, с подробным описанием обычаев и обрядов, которые совершаются в определенный день пасхальной недели. Кроме того, дети готовят буклеты на русском и марийском языках, относят их домой родителям, часть буклетов распечатывают и раздают прохожим на улице. Родители и сами часто обращаются за помощью к своему первому педагогу за консультацией. «Те, кто у меня учились, они сами теперь взрослые стали, окунулись во взрослую жизнь. Это им стало надо, вспоминают. Ну как говорят, вода камень точит — помаленьку, но всё равно свое дело делаем! Когда-нибудь по жизни они это вспомнят, потому что они вырастут, это им надо станет. Сейчас они думают, что им не пригодится, а жизнь-то потом — она всё на свои места расставит. Всё равно встречаются с таким. Ну вот — женились, замуж вышли, начинают дети появляться — и всё такое. Уже начинают думать: “А чего там по марийскому обряду надо делать?” То есть вот как только вступили в семейную жизнь — и всё это как бы национальное, культурное своё — и начинается» [№3СО].

Важным каналом приобщения к этническому языку и культуре является контакт с носителями старшего поколения, которые активно владеют языком, и в этом смысле инициатива одного из педагогов по внеурочной деятельности представляется поистине уникальной: «Если им скажешь, что внеурочная деятельность — никто не придет, а если говоришь: “Сегодня идем в гости на улицу Октябрьская, там в конце бабушка живет”, — вот тогда все придут. Это в первый же год работы моей началось, с проектной деятельности. Готовили проект с девочкой о профессиональной деятельности, а бабушка у нее была фельдшером. Потом и дальше стали по деревне ходить, записывать. И вот с тех пор это у меня уже как хобби — разучивание родословной на марийском языке. Я беру детей, и мы идем к кому-нибудь в гости. На марийском,

конечно, старожилы все рассказывают. Мне говорят, уже надо книгу выпускать, там так много всего написано, в этих тетрадях! И вот на Октябрьскую улицу, это были шестой-седьмой класс, мальчики хотя ко мне не ходят нынче¹², но они тоже пошли. Я прошу девочек договориться, кто на какой улице живет. Кому-то бабушки они, кому-то дедушки. И вот я девочек прошу сказать, что мы придем, чтобы предупредить. Нас пускают, не было еще такого, чтобы не вышел, не разговаривал. Потом презентации делаем. У нас дети все понимают по-марийски, только не все говорят» [№8СО]. На уроках «Технологии» педагог, по ее словам, использует оба языка: «Я и на марийском, и на русском с ними разговариваю. Если что-то личное я рассказываю, то иногда на марийском. Если по теме урока, по программе, то на русском. Ну, я какие-то истории вспоминаю, но они, конечно, по теме урока. Истории других учеников или из моей школьной жизни, только в этом случае. А дети, они всегда внимательно слушают. Им нравится, что я им между делом вставляю короткие истории какие-то» [№8СО]. Возможность погрузиться в язык и культуру возникает, когда в программе кур-

---

¹² По программе курса «Технология» с пятого по девятый класс предполагается раздельное обучение мальчиков и девочек, однако в связи с нехваткой педагогических кадров (отсутствовал педагог-мужчина) некоторое время мальчики посещали уроки вместе с девочками: «Мальчики не хотели шить, вышивать, варить не хотели сперва, требовали, чтобы у них был мужчина учитель. Отдельно. А потом они как бы втянулись. Мальчики и варили лучше, и вышивали лучше девочек даже. И шили лучше девочек, но сперва сопротивлялись. Пояса мы плели, у мальчиков получается. Крючком вязали — у мальчиков лучше, чем у девочек получается. Они даже кукол делали, куколке одежду марийскую. И у мальчиков ровненько так! Когда у них начало получаться, они втянулись. Ну что-то пять лет совместно было. С пятого по девятый класс. Они теперь выросли, у меня в соцсетях друзья, если я что-то такое (с культурой связанное — прим. М. К.) выставлю, они лайк поставят!» (смеется) [№8СО].

са начинаются «кулинарные» уроки: «Вот эти блины наши марийские — у меня дома русская печь, муж все хотел разобрать, но я ее храню! Приходим домой, у нас разжигаем печь, делаем блины — вот перед печкой, как раньше бабушка делала. Я им тоже истории рассказываю. Стараемся на марийском, они же всё понимают!» [№8СО]. Важность таких инициатив со стороны педагога трудно переоценить, поскольку начать говорить на языке предков означает восстановить связи с прошлым, лингвистическим и культурным наследием, особенно если живы еще старшие родственники, с которыми этот язык можно использовать, что будет полезно обеим сторонам — позволит приблизиться к пониманию своего культурного наследия и создать новое будущее для культуры [Grenoble 2021: 12].

В [Куцаева 2023б: 48] мы отмечали, что, несмотря на сохранение стойких позиций марийской веры в одних регионах и бурный процесс ее ревитализации в других, традиция, тем не менее, оказалась прерванной во многих местах: священные рощи *кўсто* остаются заброшенными, не хватает жрецов-*картов*, угасают внутрисемейные традиции (старшее поколение ушло, не успев передать знания внукам). Однако, как показали результаты нашего социолингвистического обследования [Куцаева 2022а: 38], по достижении определенного возраста («Корни меня тянут», — как пояснил респондент, не владеющий марийским), у части марийцев формируются духовные запросы в том числе на приобщение к «своей» вере. С этой точки зрения принципиально важной видится инициация в культуру и духовность с детства на этническом языке. Тесную связь между духовностью и культурой трудно понять без языка предков, поскольку эти связи часто выражаются и поддерживаются с помощью языка [Grenoble 2021: 12]. «На внеурочке вожу на экскурсию, где у нас была священная роща. Мы называем ее *Дўмо кў-*

cö¹³, ну как бабушка говорила, так я тоже говорю. Я их туда на экскурсию вожу. Весной и осенью. Мне раньше бабушка рассказывала. Потом там совхоз был, трактора там ездили, прямо дорогу сделали, но теперь-то заросло. Но все равно ногами-то дорогу можно нащупать, где трактора ездили. Мы всё ищем эту березу, у которой молились они. Есть одна старая-старая береза, которая лежит, я думаю, что это она была. Я же женщина, а молиться должен мужчина. Но поскольку никого нет, то я им говорю то, что я знаю, то, что умею. Говорю на марийском слова» [№8СО].

Таким образом, в настоящее время, в условиях стремительного вымывания этнического языка из внутрисемейного общения и в более широком контексте — из марийской деревни, школа становится одним из последних очагов марийского в регионе, а педагоги — учителя марийского и литературы, внеурочной деятельности — представляются своего рода миссионерами. Свою подвижническую роль они вполне осознают: «А мы все-таки стараемся убедить родителей, что это ведь культура. Это исчезновение народа, получается. И если школа наша перестанет существовать, то мы вообще исчезнем, наверное» (№7СО). Характерно, что на «миссионерское направление народной школы» в Казанском крае (куда включался и Оренбургский учебный округ) в 1886 г. указывал Н. И. Ильминский, подразумевая под этим направлением «нарочито христианско-воспитательное» [Ильминский 1886: 5]. Спустя 137 лет «миссионерство» приобрело иное звучание и ставит перед собой иные задачи — спасение этнического языка, культуры, идентичности.

Заключение

Как было указано в вводной части работы, наше общее исследование касается функционирования этнического языка в условиях марийской диаспоры московского

---

¹³ Букв. *Думо* — диал. *Юмо* (мар. Бог), *күсö* — обещание (зд. - о совершении моления).

региона. Два респондента в выборке являются уроженцами мест компактного проживания марийцев на Среднем Урале. Актуальное использование участниками опроса своего этнического языка обусловлено, в том числе, их предыдущим языковым опытом на малой родине. В этой связи первая часть настоящей работы была посвящена описанию языковых биографий респондентов.

Как показали результаты, основным каналом марийского языка выступало для опрошенных внутрисемейное общение и в более широком смысле само окружение — марийская деревня. В силу различных обстоятельств респонденты не изучали марийский язык и литературу в системе школьного образования (за исключением года учебы в нулевом классе в одном случае из двух).

Вторая часть работы освещает текущую языковую ситуацию в Свердловской области в четырех районах с компактным проживанием марийцев. Интерес автора к региону объясняется, с одной стороны, малой репрезентативностью респондентов в общей выборке (два человека из ста), с другой стороны, был вызван желанием составить более полное представление о ситуации с марийским в сфере образования (поскольку языковые биографии респондентов фактически не позволяли этого сделать). По итогам интервью с педагогами местных школ, стало очевидно, что в настоящее время уровень владения учащимися марийским является крайне низким. Основные причины заключаются в том, что этнический язык стремительно уходит из внутрисемейного общения и из более широкой языковой среды марийской деревни (вследствие влияния современных средств коммуникации, неуклонного распространения языковых идеологий в отношении этнического языка), а также многих проблем, сопутствующих преподаванию родных языков в школе (кадровые, учебно-методические и др.).

Поддержание этнической идентичности в условиях старой диаспоры осуществляется посредством культурных инициатив, однако эти инициативы не всегда способны

обеспечить сохранность границ этнической группы в долгосрочной перспективе, о чем свидетельствует и резкое сокращение численности марийцев Свердловской области по данным последних переписей населения. Островком марийского в регионе являются, по нашим данным, те немногие школы, уцелевшие за годы последних реформ в образовательной сфере, в учебном расписании которых содержится этнокультурный компонент. Педагоги предметов «Марийский язык», «Марийская литература» и факультативных курсов, связанных с этнической культурой, являются хранителями нематериального культурного наследия, истинными подвижниками в сохранении этнического языка, культуры и идентичности марийцев не только среди учащихся, но и среди взрослого населения в местах компактного проживания марийцев в Свердловской области.

Приложение

Историческая справка

В Красно-уфимском уезде в 1872 г. Пермской епархией был создан комитет Российского православного миссионерского общества, на базе которого в 1873 г. была открыта первая марийская миссионерская школа в дер. Юва на 30 учащихся; общее число таких школ в последующем достигло десяти. Школы в целом были организованы по системе Н. И. Ильминского (см. [Ильминский 1886]). Многие учителя были либо из местного населения без высшего образования, либо демобилизованными солдатами с начальным образованием и слабым знанием марийского; чаще всего комитет приглашал учителей из других губерний. Попыткой решения кадрового вопроса стало открытие двухлетней учительской школы (семинарии) для крещеных мари в 1894 г. с миссионерским хутором близ дер. Савиново, в целях подготовки учителей-марийцев для местных церковно-приходских школ. В 1912 г. был открыт подготовительный класс для подготовки марийцев, вы-

пускников миссионерских школ, к поступлению в учительскую семинарию. Деятельность школы была приостановлена в связи с первой мировой войной (из 42 слушателей в итоге ее окончили девять) [Фрайер 2000: 56–58].

На почве революционного подъема в 1917 г. сложилось национальное движение мари, призывающее к просвещению, развитию культуры и образования [Сергеева 2018: 28]. В ходе I Собрания представителей мелких народностей Поволжья (Казань, май 1917 г.) делегатами был поднят вопрос, среди прочего, о преобразовании Красноуфимской второклассной учительской школы с начала учебного года в Черемисскую учительскую семинарию [Съезды 2008: 39] «для подготовки кадра учителей мари», решение было утверждено на Первом Всероссийском съезде мари (г. Бирск, июль 1917 г.) [Съезды 2008: 81].

В 1919 г. решением местного ревкома было рекомендовано восстановить деятельность бывшей миссионерской семинарии под названием учительской семинарии ввиду недостатка кадров для мариЙских школ [Фрайер 2000: 58]. Занятия подготовительной группы начались в ноябре 1919 г. В 1920 г. по решению Наркомпроса РСФСР семинария в составе 42 учащихся и четырех учителей была реорганизована в трехгодичные педагогические курсы. В 1921 г. курсы были преобразованы в Урал-МариЙский педагогический техникум, в 1924 г. техникум был переведен в г. Красноуфимск [Красноуфимский педагогический колледж]. С самого начала педтехникум являлся символом образования, науки и культуры среди местного населения [Фрайер 2000: 58–59].

При переходе от 1920-х к 1930-м гг. сменились методы, если не курс языковой политики советского государства, резко возросла централизация, национально ориентированная интеллигенция была отстранена от активного участия в языковом строительстве [Алпатов 2000: 73]. Так, поскольку большинство педагогов-мариЙцев Красноуфимского педтехникума не являлись членами партии (о чем в 1929 г. директор педтехникума сообщил в докладной за-

писке относительно состояния преподавательского состава) [Фрайер 2000: 60], процесс подготовки марийских кадров пошел на спад, и в том же году в здании был открыт русскоязычный педтехникум. В 1939 г. оба отделения были объединены в один с марийским отделением [Красноуфимский педагогический колледж]. В 1940 г. оставшиеся 46 студентов марийского отделения были переведены в Козьмодемьянское педучилище [Фрайер 2000: 60].

За 20 лет своего существования Красноуфимский педтехникум подготовил около 400 марийских специалистов. Название педтехникума — Урал-Марийский — укрепляло престиж языка и культуры уральских марийцев; выпускники педтехникума были «скорее носителями марийской культуры, чем идеальными носителями советской», что в конечном итоге привело к его уничтожению [Фрайер 2000: 61]. Других подобных образовательных инициатив в регионе уже не проводилось.

Литература:

Алпатов 2000 — Алпатов В. М. *150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства*. Москва, 2000.

Базуева 2009 — Базуева Д. Школьный двор невелик, да бороться велит. *Областная газета Свердловской области*, 2009, 25: 5.

Беликов, Крысин 2016 — Беликов В. И., Крысин Л. П. *Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2016.

ВПН 2010 — *Всероссийская перепись населения 2010 года*. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf

ВПН 2020 — *Всероссийская перепись населения 2020 года*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab5_VPN-2020.xlsx.

Долгова 2020 — Долгова А. П. Об изменениях в ситуации с родными языками в школах Чувашии: взгляд из региона. *Родной язык*, 2020, 1: 25–48.

Закон о языках в Республике Марий Эл. URL: http://rus-gos.spbu.ru/public/files/bills/11_5391b9f9dc714.pdf

Закон № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/.

Ильминский 1886 — Ильминский Н. И. *Система народного и в частности инородческого образования в Казанском крае.* Санкт-Петербург, 1886.

Исаев 2020 — Исаев Ю. Н. Обеспечение условий для изучения и использования языков народов Российской Федерации в образовательных организациях Чувашской Республики. *Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* (Чебоксары, 16 нояб. 2019 г.). Ред. Ж. В. Мурзина и др. Чебоксары, 2020, 227–229.

Конвенция об охране нематериального культурного наследия. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml.

Красноуфимский педагогический колледж. URL: <https://kpkollege.ru/?ysclid=lgkwqev94x513391837>.

Кузнецова 2000 — Кузнецова А. И. Старые социолингвистические материалы и возможность их нового прочтения (к вопросу об изменении интерпретаций в социолингвистике). *Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции.* Москва, 2000, 18–33.

Куцаева 2020а — Куцаева М. В. Марийско-татарские языковые контакты в зеркале языковых биографий марийцев Московского региона. *Урало-алтайские исследования*, 2020, 4 (39): 7–23.

Куцаева 2020б — Куцаева М. В. Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры. *Родной язык*, 2020, 2: 124–150.

Куцаева 2020в — Куцаева М. В. Об опыте социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона. *Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2020.* Ред. Кс. П. Семенова. Москва, 2020, 104–111.

Куцаева 2022а — Куцаева М. В. Марийский в Москве: к вопросу о сохранности этнического языка в условиях внутренней диаспоры. *Финно-угроведение*, 2022, 63: 30–44.

Куцаева 2022б — Куцаева М. В. Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл). *Урало-алтайские исследования*, 2022, 1(44): 116–153.

Куцаева 2023а — Куцаева М. В. Лингвистические биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев Горномарийского района Республики Марий Эл). *Урало-алтайские исследования*, 2023, 1(48): 53–69.

Куцаева 2023б — Куцаева М. В. Православно-языческий синкретизм в религиозной жизни марийской диаспоры московского региона. *Живая старина*, 2023, 1(117): 46–50.

Куцаева 2023в — Куцаева М. В. Проблема сохранения этнической культуры в условиях внутренней диаспоры (на материале полевых исследований в чувашской и марийской диаспорах московского региона). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 2023, 2 (870): 158–165.

Ласточкина, Пехметова — Ласточкина Г., Пехметова С. Уралыштат – марий йылме, йўла, тўвыра верч [И на Урале – за марийский язык, традиции и культуру]. *Республиканская газета «Марий Эл»*, 2022, 66: 10–11.

Марийцы 2013 — *Марийцы. Историко-этнографические очерки*. Издание 2-е, дополненное. Йошкар-Ола, 2013.

Сепеев 1975 — Сепеев Г. А. *Восточные марийцы: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.)*. Йошкар-Ола, 1975.

Сепеев 2006 — Сепеев Г. А. *История расселения марийцев*. Йошкар-Ола, 2006.

Сергеева 2018 — Сергеева А. Н. Из истории зарождения марийского национального движения в документальных источниках Государственного Архива Республики Марий Эл. *Финно-угроведение*, 2018, 59: 28–33.

Справочник «Марийский мир». Йошкар-Ола, Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, 2004.

Словарь социолингвистических терминов. Под ред. В. Ю. Михальченко. Москва, 2006.

Съезды народа мари: документы и материалы. 1917–2004 гг. Йошкар-Ола, 2008.

Фрайер 2000 — Фрайер П. Политика в области образования у уральских марийцев в первые годы советской власти: роль и результаты. *Этническая мобилизация во внутренней периферии: Волго-Камский регион начала XX в.: Сб. докл.* Под ред. С. Лаллукки, Т. Молотовой, Ижевск, 2000, 55–63.

Энциклопедия Марий Эл 2009 — *Энциклопедия Марий Эл*. Йошкар-Ола, 2009.

Dołowy-Rybińska, Hornsby 2021 — Dołowy-Rybińska N., Hornsby M. Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation. J. Olko, J. Sallabank. (eds). *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide*. Cambridge University press, 2021, 104–116.

Fishman 1991 — Fishman J. A. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Multilingual Matters: 76. Clevedon, 1991.

Grenoble 2021 — Grenoble L. A. Why Revitalize? J. Olko, J. Sallabank. (eds). *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide*. Cambridge University Press, 2021, 9–22.

Smith-Christmas 2018 — Smith-Christmas C. et al. (eds.). *New Speakers of Minority Languages. Linguistic Ideologies and Practices*. Palgrave Macmillan, 2018.

Smith-Christmas 2016 — Smith-Christmas C. *Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home*. Palgrave Macmillan, 2016.

References

Alpatov V. M. *150 yazykov i politika. 1917–2000. Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva* [150 languages and politics. 1917–2000. Sociolinguistic problems of the USSR and post-Soviet territories]. Moscow, 2000. (In Russ.)

Bazueva D. Shkol'nyi dvor nevelik, da borot'sya velit [The school yard is small, but it is still worth fighting for]. *Oblastnaya gazeta Sverdlovskoi oblasti*, 2009, 25: 5. (In Russ.)

Belikov V. I., Krysin L. P. *Sotsiolingvistika: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury* [Sociolinguistics: Textbook for bachelor's and master's degree]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, 2016. (In Russ.)

Dolgova A. P. Ob izmeneniyakh v situatsii s rodnymi yazykami v shkolakh Chuvashii: vzglyad iz regiona [The changing situation with native languages in the schools of Chuvashia]. *Rodnoy yazyk*, 2020, 1: 25–48. (In Russ.)

Dołowy-Rybińska N., Hornsby M. Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation. J. Olko, J. Sallabank. (eds). *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide*. Cambridge University press, 2021, 104–116.

Entsiklopediya Marii El [The Encyclopedia of Mari El]. Yoshkar-Ola, 2009. (In Russ.)

Fishman J. A. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Multilingual Matters: 76. Clevedon, 1991.

Fryer P. Politika v oblasti obrazovaniya u ural'skikh mariitsev v pervye gody sovetskoi vlasti: rol' i rezul'taty [Educational politics among Urals Maris in the first years of the Soviet regime: the role and the results]. *Etnicheskaya mobilizatsiya vo vnutrennei periferii: Volgo-Kamskii region nachala XX v.: Sb. dokl.*, ed. by Lallukka S., Molotova T. Izhevsk, 2000, 55–63.

Grenoble, L. A. Why Revitalize? J. Olko, J. Sallabank (eds). *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide*. Cambridge University Press, 2021: 9–22.

Il'minskii N. I. *Sistema narodnogo i v chastnosti inorodcheskogo obrazovaniya v Kazanskom krae* [System of public and in particular ethnic education in Kazan region]. St Petersburg, 1886. (In Russ.)

Isaev Yu. N. Obespechenie uslovii dlya izucheniya i ispol'zovaniya yazykov narodov Rossiiskoi Federatsii v obrazovatel'nykh organizatsiyakh Chuvashskoi Respubliki [Providing conditions for the study and use of the languages of the

peoples of the Russian Federation in educational institutions of the Chuvash Republic]. *Aktual'nye voprosy issledovaniya i prepodavaniya rodnykh yazykov i literatur: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, Nov, 16th, 2019)*, ed. by Murzina Zh. V. et al. Cheboksary, 2020, 227–229 (In Russ.)

Konventsiya ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya [Convention for the safeguarding of Intangible Cultural Heritage]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml. (In Russ.)

Krasnoufimskii pedagogicheskii kolledzh [Krasnoufimskii pedagogical college]. URL: <https://kpkollege.ru/?ysclid=lgkwqev94x513391837>. (In Russ.)

Kutsaeva M. V. Mariisko-tatarskie yazykovye kontakty v zerkale yazykovykh biografii mariitsev Moskovskogo regiona [Mari-Tatar language contacts as reflected in the language biographies of Moscow region Mari]. *Uralo-altaiskie issledovaniya*, 2020, 4 (39): 7–23. (In Russ.)

Kutsaeva M. V. Mariitsy Moskvy: etnicheskaya identichnost' i yazykovaya loyalt'nost' v usloviyakh vnutrennei diaspory [Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty]. *Rodnoy Yazyk*, 2020, 2: 124–150. (In Russ.)

Kutsaeva M. V. Ob opyte sotsiolingvisticheskogo obsledovaniya v mariiskoi diaspore moskovskogo regiona [On the experience of a sociolinguistic survey in Moscow region Mari diaspora group]. *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike. Sbornik trudov konferentsii*, ed. by Ks. P. Semenova, Moscow, 2020: 104–111. (In Russ.)

Kutsaeva M. V. Mariiskii v Moskve: k voprosu o sokhrannosti etnicheskogo yazyka v usloviyakh vnutrennei diaspory [The Mari language in Moscow: the problem of ethnic language preservation in the conditions of internal diaspora]. *Finno-ugrovedenie*, 2022, 63: 30–44. (In Russ.)

Kutsaeva M. V. Yazykovye biografii predstavitelei mariiskoi diaspory moskovskogo regiona (urozhentsev raionov rasprostraneniya lugovogo mariiskogo yazyka v Respublike Marii El) [Language biographies of the Maris of the Moscow region — the natives of the areas where the Meadow Mari language

ge is spoken in the republic of Mari El]. *Uralo-altaiskie issledovaniya*, 2022, 1 (44): 116–153. (In Russ.)

Kutsaeva M. V. Lingvisticheskie biografii predstavitelei mariiskoi diaspory moskovskogo regiona (urozhentsev Gorno-mariiskogo raiona Respubliki Marii El) [Linguistic biographies of Moscow region Maris – natives of Hill Mari district of the Republic of Mari El]. *Uralo-altaiskie issledovaniya*, 2023,1(48): 53–69. (In Russ.)

Kutsaeva M. V. Pravoslavno-yazycheskii sinkretizm v religioznoi zhizni mariiskoi diaspory moskovskogo regiona [Orthodox-pagan syncretism in the religious practices of Moscow region Mari diaspora]. *Zhivaya starina*, 2023, 1(117): 46–50. (In Russ.)

Kutsaeva M. V. Problema sokhraneniya etnicheskoi kul'tury v usloviyakh vnutrennei diaspory (na materiale polevykh issledovaniy v chuvashskoi i mariiskoi diasporakh moskovskogo regiona) [The Problem of Ethnocultural Preservation in the Internal Diasporas (on the material of field research in the Moscow region Chuvash and Mari diasporas)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2023, 2 (870): 158–165. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. Starye sotsiolingvisticheskie materialy i vozmozhnost' ikh novogo prochteniya (k voprosu ob izmenenii interpretatsii v sotsiolingvistike) [Old sociolinguistic materials and the possibility of their new reading (to the question of changing interpretations in sociolinguistics)]. *Yazyki Rossiiskoi Federatsii i novogo zarubezh'ya: status i funktsii*. Moscow, 2000, 18–33. (In Russ.)

Lastochkina G., Pekhmetova S. I na Urale – za mariiskii yazyk, traditsii i kul'turu [The Urals are supportive of the Mari language, traditions and culture, too]. *Respublikanskaya gazeta «Marii El»*, 2022, 66: 10–11. (In Mari)

Mariitsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Maris. Historical-ethnographic outlines] Izdanie 2-e, dopolnennoe. Yoshkar-Ola, 2013. (In Russ.)

S"ezdy naroda mari: dokumenty i materialy. 1917–2004. [Mari people congresses: documents and materials 1917–2004]. Yoshkar-Ola, 2008. (In Russ.)

Sepeev G. A. *Vostochnye mariitsy: istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [Eastern Maris: historical-ethnographical studies of the material culture, mid-XIX – beginning of XX centuries]. Yoshkar-Ola, 1975. (In Russ.)

Sepeev G. A. *Istoriya rasseleniya mariitsev* [History of Maris' settlement]. Yoshkar-Ola, 2006. (In Russ.)

Sergeeva A. N. Iz istorii zarozhdeniya mariiskogo natsional'nogo dvizheniya v dokumental'nykh istochnikakh Gosudarstvennogo Arkhiva Respubliki Marii El [From the history of the origin of the Mari national movement in the documentary sources of the State Archives of the Mari El Republic]. *Finnougrovedenie*, 2018, 59: 28–33. (In Russ.)

Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms]. Ed. by V. Yu. Mikhal'chenko. Moscow, 2006. (In Russ.)

Smith-Christmas C. et al. (eds.). *New Speakers of Minority Languages. Linguistic Ideologies and Practices*. Palgrave Macmillan, 2018.

Smith-Christmas C. *Family Language Policy: Maintaining an Endangered Language in the Home*. Palgrave Macmillan, 2016.

Spravochnik «Mariiskii mir» [The Guide of Mari World]. Yoshkar-Ola, 2004. (In Russ.)

Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 goda [Russian Census 2010]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (In Russ.)

Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2020 goda [Russian Census 2020]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab5_VPN-2020.xlsx (In Russ.)

Zakon o jazykah narodov Rossiiskoj Federatsii [Law on languages of the peoples of the Russian Federation]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/. (In Russ.)

Zakon o jazykah v Respublike Mari El [Law on languages in the Republic of Mari El]. URL: http://rus-gos.spbu.ru/public/files/bills/11_5391b9f9dc714.pdf (In Russ.)